

Языки народов зарубежных стран (романские языки)

Научная статья

УДК 801.804

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-1-40-150

EDN: ENPJKO

Влияние феминизации на национальную языковую политику Франции

Игорь Владимирович Скуратов^{1✉}, Наталия Глебовна Епифанцева²

¹Доктор филологических наук, профессор кафедры германской и романской филологии, Государственный университет просвещения. 141014, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24

²Доктор филологических наук, профессор кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики, Государственный университет просвещения. 141014, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24

¹iv.skuratov@guppros.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0003-0578-4855>

²nepifantseva @yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2231-0387>

Аннотация. Цель статьи заключается в выявлении особенностей феминизации существительных на – al, – ant, – eur и их гендерных феминитивных параллелей с грамматической точки зрения и языкового узуса. Актуальность исследования продиктована научным интересом к явлению феминизации – сложнейшего и широко дискутируемого феномена в области французского и русского словообразования, отражающего языковые традиции и инновации в деривационном процессе. Языковая политика Франции отличается поддержкой на государственном уровне, традиционным уважением к достижениям французского языка, детальным рассмотрением и обсуждением лингвистических нововведений. В статье представлен анализ точек зрения на феминизацию ее сторонников и противников. Последние аргументируют свои действия в поддержку употребления традиционных, стабильных форм существительных женского рода доводами социолингвистического характера, подчеркивая особую роль и предназначение французского языка. Споры вокруг феминизации фактически ставят вопрос о том, кому принадлежит язык? Согласно мнению сторонников государственности, центром франкофонного сообщества – франкофонии – в Европе и в мире считается Франция и столица страны Париж. Следуя этой логике, французский язык принадлежит только гражданам Франции, а бельгийцы, люксембуржцы, квебекцы, швейцарцы и т. д. являются в некотором роде его арендаторами, что свидетельствует о чувстве языковой незащищенности граждан этих стран. Существует точка зрения, согласно которой прерогатива языковой политики не только национально-французская, но она принадлежит французской Академии. В этой связи логично задаться вопросом о реальном месте и роли французской Академии в современном франкоязычном обществе: кто сегодня определяет, какими должны быть стандарты французского языка? Каковы, например, нормативные грамматики и словари? С другой стороны, осведомлены ли академики лучше, чем эксперты Высшего совета по французскому языку – разработчики бельгийского руководства по феминизации? Еще один аргумент, выдвинутый критиками феминизации, напрямую связан с понятием «использования языка» – часто с большой буквы, как в «хорошем использовании» (Bon usage): «Мы должны позволить языковому узусу сделать это». Результаты изыскания представляют новизну, определяя соотношение традиционных форм и неологизмов в словарном составе языка.

Ключевые слова: языковая политика; феминизация; неологизмы; узус; деривация; франкофония

Для цитирования: Скуратов И. В., Епифанцева Н. Г. Влияние феминизации на национальную языковую политику Франции // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 1 (40). С. 150–161. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-150>. <https://elibrary.ru/ENPJKO>

Languages of foreign countries (romance languages)

Original article

Feminization influence on the national language policy in France

Igor V. Skuratov^{1✉}, Natalia G. Epifantseva²

¹Doctor of of philological sciences, professor at the department of germanic and romance philology, State university of education. 141014, Mytishchi, Vera Voloshina str., 24.

²Doctor of of philological sciences, professor at the department of translation studies and cognitive linguistics, State university of education. 141014, Mytishchi, Vera Voloshina str., 24.

¹iv.skuratov@guppros.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0003-0578-4855>

²nepifantseva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2231-0387>

Abstract. The aim of the article is to identify the specifics of noun feminization with suffixes – al, – ant, – eur and their gender feminine parallels from the grammatical point of view and linguistic usage. The relevance of the study is due to the scientific interest in the feminization phenomenon – a complex and widely discussed phenomenon in the field of French and Russian word formation, reflecting linguistic traditions and innovations in the derivational process. French language policy is characterized by the state support, traditional respect for the achievements of the French language, and detailed consideration and discussion of linguistic innovations. The article analyzes different points of view on feminization of its supporters and opponents. The latter support using traditional, stable forms of feminine nouns with sociolinguistic arguments, emphasizing the special role and mission of the French language. The controversy around feminization actually raises the question of who owns the language. According to the supporters of statehood, the center of the Francophone community – Francophonie – in Europe and in the world is considered to be France and its capital, Paris. Thus, following this logic, the French language belongs only to French citizens, while Belgians, Luxembourgers, Quebecers, Swiss, etc. are in a way its tenants. This fact indicates a sense of linguistic insecurity among the citizens of these countries. There is a view that the prerogative of language policy is not only nationally French, but it belongs to the French Academy. In this regard, it is logical to wonder about the real place and role of the French Academy in today's French-speaking society: who determines what should be the standards of the French language today? For example, what are normative grammars and vocabularies? On the other hand, are academics better informed than the experts from the Superior Council of the French Language, the authors of the Belgian manual on feminization? Another argument by critics of feminization is directly related to the notion «language usage» – often with a capital letter, as in «good usage» (Bon usage): «we should let language usage do this». The results of the survey show novelty, determining the ratio of traditional forms and neologisms in the language vocabulary.

Key words: language policy; feminization; neologisms; usage; derivation; francophonie

For citation: Skuratov I. V., Epifantseva N. G. Feminization influence on the national language policy in France. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(1):150–161. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-150>. <https://elibrary.ru/EHPJKO>

Введение

Географически Франция в основном расположена в центре франкофонии, на европейском континенте, но решение вопросов, касающихся французского языка, его современного состояния и гендерной политики – это в значительной степени зависит от феномена репрезентации. Подобная ситуация не имеет аналогов в англоязычном мире, который не придает большого значения особенностям языкового узуса в Соединенном королевстве, где даже не существует единого английского языка, представленного «вариантами британского». Та же ситуация наблюдается в испаноязычных странах, например, в странах Латинской Америки, с индейским субстратом, которые не принимают Испанию в качестве ориентира. Аналогично в отношениях между португалоязычными территориями и Португалией, где под влиянием процесса глобализации происходит вытеснение португальского языка английским.

В представлении многих лингвистов Франкофония является иерархической структурой, и Франция, в частности Париж, который задает тон, находится в центре, а периферия должна им следовать, и в области гендера языковой политики

также. Действительно, французский язык, национальный язык Французской республики (включая заморские департаменты и территории) и основной в романской группе индоевропейских языков, до настоящего времени распространен в мире и не утратил своего международного значения. Французский язык входит в число официальных рабочих языков ООН, в Евросоюзе на французском языке функционирует судопроизводство (решения Европейского суда принимаются на французском языке, что строго соответствует принципу интегрального мультилингвизма). Часть населения европейских стран (Бельгии, Люксембурга, Швейцарии) пользуется французским языком, жители Квебека в Канаде говорят на нем и отдают приоритет французскому языку, многие государства Африки, особенно Тунис, Алжир, Марокко, после обретения независимости не отказались от французского языка, его преподают в школе, им пользуется образованная часть населения этих стран.

Французский язык провозглашен на законодательном уровне страны мощным определяющим фактором национального самосознания, посредником и проводником национального наследия. Президент Франции Валери Жискар д'Эстен под-

писал 31 декабря 1975 г. Закон о защите французского языка от вторжения английского и любого другого, а значит, и чужой культуры. Закрепление статуса французского языка как основного национального языка Франции датируется принятием Закона Тубона (La loi Toubon) от 4 августа 1994 г., утвердившего меры, направленные на усиление роли французского языка в мире. В современной Франции осуществляется эффективная языковая политика и соответствующая программа государственной поддержки французского языка как внутри страны, так и в формате франкофонии. Языковая политика понимается как система мероприятий и законодательных актов, реализуемая государственными и общественными институтами, которые ставят перед собой определенные языковые цели. Ведущая роль в культурно-языковой политике отводится Франкофонии. В середине прошлого века, после неудачной попытки создать Содружество бывших колониальных стран, проект Франкофонии долгие годы оставался без внимания к нему со стороны государства: в условиях биполярного мира Франция придерживалась политики балансирования между полюсами, демонстрируя «независимость» своего внешнего политического курса. Деятельность Франкофонии активизировалась после распада биполярной мировой системы в 1990-е гг. Создается Агентство по французскому образованию за границей, деятельность которого следует принципу определенной градации среди франкоязычных стран и регионов. Французы как реалисты признают за английским языком роль международного посредника и первого иностранного языка, изучаемого в рамках школьной программы. В связи с этим преференции Франкофонии, направленные на развитие французского языка и сохранение его международной значимости, имеют Заморские департаменты и Заморские территории Франции, затем страны, население которых говорит на французском языке, и, наконец, страны, где французский язык изучается как иностранный в средних и высших учебных заведениях.

Споры о том, «кому принадлежит французский язык?», фактически связаны с вопросом феминизации [Klinkenberg, 2001, 2006]. Мнение противников феминизации таково, что французский язык принадлежит только гражданам Франции, но не гражданам франкофонных европейских стран. Поэтому положение, согласно которому бельгийцы, люксембуржцы, квебекцы, швейцарцы... не владеют своим языком, являясь в некотором роде его арендаторами, как видно, свидетельствует о

чувстве языковой незащищенности граждан этих стран.

Как можно интерпретировать ситуацию? Если речь идет о проявлении имперской политики, то прерогатива решения гендерного вопроса – это прерогатива гражданина Франции. Если возмущаются билингвы, то это свидетельствует об их чувстве языковой несправедливости. Итак, вопросы, связанные с гендерной политикой французского языка, рассматриваются двояко: эти вопросы являются прерогативой французов и только французов или же они касаются носителей французского языка за пределами Франции. Причем очевидно, что языковая политика касается только европейских стран и не затрагивает франкофонные государства других континентов (Америки, Азии, Африки и прочих территорий).

«Если жители Квебека, бельгийцы, швейцарцы начнут устанавливать языковые стандарты, каждый в своем «медвежьем углу», они поставят под угрозу единство языка» [Dister, 2009, p. 161–162]. Сторонники феминизации отвечают, что французский язык, как и любой другой, никогда не знал единства. Свидетельством тому – история и эволюция французского языка.

Французский язык, благодаря историко-экономическим условиям на территории бывшей римской провинции и духовному потенциалу франкофонов, населявших ее, прошел тысячелетний путь развития от периода народной латыни до языка общенациональной нормы. На всем протяжении эволюционного пути важная роль в становлении языковой нормы отводилась письменно-литературному языку [Катагощина, Васильева, 1997].

В XIV–XV вв. процесс формирования общепольского письменно-литературного языка заметно активизируется. Ведущую роль в этом процессе играет франсийский диалект, один из западной группы диалектов. На нем говорят жители Парижа, столицы королевского домена, ставшего политическим, экономическим и культурным центром Франции. В этот период расширяется сфера использования письменно-литературного языка от светской литературы до эпистолярного и делового языка [Катагощина, 2012]: создаются мистерии религиозного содержания («*Mistère du vieux Testament*», «*Mistère de la Passion*»), фарсы и сатиры комедийного жанра («*La farce du meistre Pierre Pathelin*»), нравоописательные романы (сборник «*Cent nouvelles nouvelles*»).

В период французского Ренессанса мемуарная литература представлена крупным писателем Фи-

липпом де Комин (1446–1511). Лирическая поэзия характеризуется двунаправленным развитием. С одной стороны – условная, придворная поэзия представлена поэзией Христины Пизанской (1364–1429), Карлом Орлеанским (1394–1465), с другой – поэзия, развивающаяся на живой народной основе, представленная в стихах гениального поэта той эпохи Франсуа Вийона (1431–1463).

В этот период французский язык используется в качестве делового в северных и восточных областях Франции, а также в судах Парижа. Наряду с документами на латинском языке акты королевской канцелярии составляются на французском языке. Заседания парламента, как высшей судебной инстанции того времени, проводятся на французском языке, хотя его решения фиксируются все еще на латинском. Парижский уголовный суд (Châtelet) полностью работает на французском языке. Таким образом, этот период в области официально-деловой переписки характеризуется двуязычием и преобладанием латинского языка, в то же время французский письменно-литературный язык активно проявляет себя его конкурентом. Сфера употребления французского языка расширяется за счет переводных текстов с латинского и с древнегреческого: перевод трудов Тита Ливия литератором П. Берсюиором, кстати, автором неологизмов, таких как *interprète* (m), *ogateur* (m) для одушевленных существительных обоих полов, и разные слова для мужского и женского пола – *héros* / *héroïne*, *mâle* / *femelle*. Для расширения сферы применения французского письменно-литературного языка в этот период имелись определенные исторические предпосылки, поэтому он постепенно приобретает признаки, характерные для языка национального периода – многофункциональность и общераспространенность.

Следующий период становления французского письменно-литературного языка, охватывающий XVI–XVIII вв., ярко представлен правлением короля Франциска I, известного благодаря Ордонансу Вилер-Котре. Все официальные документы, деловая переписка, судопроизводство ведутся на французском языке. Этим самым был нанесен окончательный удар по латинскому языку и по диалектам. Кстати сказать, современный Президент Франции задался целью сравнить себя с этим королем. Словно желая встать в один ряд со своими предшественниками – покровителями искусств и науки (у Жоржа Помпиду был свой музей современного искусства, а у Франсуа Миттерана – библиотека его имени), Эммануэль Макрон объ-

явил о создании Дворца Франкофонии в замке Вилер-Котре (Villers-Cotterêts), в 70 км от Парижа. Плацдарм инновационных технологий по распространению французского языка в мире – таково пожелание президента. Проект тем более многозначительный, что именно в этой впоследствии заброшенной королевской резиденции в 1539 году Франциск Первый подписал указ об использовании французского языка в официальных документах (взамен латыни), что во французской историографии стало началом централизации страны и языковой унификации [Фокина, 2021].

В эту эпоху на французском языке издаются переводы древнегреческих авторов, целая литература по различным отраслям науки, создается французский колледж Collège de France. Последующие периоды характеризуются утверждением французского языка как государственного и его распространением в мире.

Пока французский язык остается живым и приспосабливается к изменениям в глобальном масштабе, всегда будут существовать его разновидности, отличающиеся в зависимости от региона, социального класса, эпохи, профессии и т.д. Можно также добавить, что рекомендации по феминитивам разных стран, предоставленные официальными органами, в значительной степени сходятся. Существуют некоторые различия, но их не много.

Однако можно ли согласиться с тем, что между франкоговорящими людьми больше не будет взаимопонимания, потому что одни выступают за использование названия профессии: *un commis* (служащий), а другие за *une commise* (служащая); потому что в одном регионе говорят *un chef* (шеф-повар), а в другом – *une cheffe* (шеф-повариха) [Корж, Скуратов, 2023, с. 166–173]. В результате, формируется синонимический ряд форм женского рода, например, *une traiteur*, *une traiteuse*, *une traiteure* – наименования сельскохозяйственной профессии «доярка». Заметим, что в русском языке гендерный аналог – форма мужского рода наименования этой профессии – «оператор машинного доения», также могла бы иметь феминитивное выражение: *«операторка» или *«операторша» и даже *«операторесса» машинного доения [Епифанцева, 2021]. В словаре современного русского языка зафиксированы феминизированные наименования профессий и средств производства, но такие «нововведения, как «партнерка», «философка», даже не приняты к рассмотрению [Национальный корпус русского языка...].

Приведенные примеры иллюстрируют хорошо известную тактику осуждения инициативы, которую используют противники реформы орфографии, аргументируя тем фактом, что дети, обученные новому правописанию, больше не смогут читать книги, напечатанные старым шрифтом! Закономерен вопрос, смогут ли они еще вообще читать?

Французская Академия и национальное гендерное лицо

Существует точка зрения, согласно которой прерогатива языковой политики не только национальная – французская, но она зарезервирована за французской Академией. Французская академия была создана в 1635 г. по инициативе А. Ришельё, её основная деятельность была сосредоточена на составлении толкового словаря и проводилась в духе «аристократического пуризма», очистки лексики литературного языка от «грязных слов», народных выражений, терминологии и т. п. В результате было подготовлено первое издание академического словаря, основы литературного «благородного стиля» (*style noble*). Только сорок мудрецов были компетентны давать заключения по языку: только они вправе принимать решения, на них возложена миссия заботиться о хорошей речи и защищать французский язык от всех проявлений варварства. Кстати, в наше время именно с этим подтекстом Морис Дрюон, бессменный секретарь Французской академии, обращается к своему бельгийскому коллеге из Королевской академии французского языка и литературы, критикуя бельгийскую практику феминизации [Druon, 1997].

Госпожа министр, Господин мышь

«Госпожа министр, господин мышь! Странные они, эти дамы! Во время выборов они вопят и визжат, что недостаточно представлены в общественной жизни, что за ними не зарезервировано достаточно мест в парламенте, что они жертвы несправедливой, дискредитировавшей себя политики; они обличают дискриминационный статус, который им навязали, одним словом, нет, потоком слов, они жалуются на свое неравенство с мужчинами. После этого, кто осмелится сказать, что они лишены логики?

Четыре члена правительства-женщины, и не меньше, решили называть себя «*Madame la ministre*» (госпожа *министерша). Вот такая новость! Наверное, они не знают или запамятовали проект документа о феминитивах названий титулов и должностей, который теперь ведет г-жа Руди.

Проект был осмеян и приостановлен декретом Академии, подготовленным господами Жоржем Дюмезиль и Клодом Леви-Стросс [Déclaration de l'Académie française, 2008]. Подписи не вызывают сомнений. Наши собраты по науке напоминают нам, что во французском языке так называемый мужской род является немаркированной – нейтральной формой, тогда как феминизация термина, формируя категорию в классе слов, ведет в данном случае к сокращению объема понятия.

Вольному воля, пусть наши подруги из Квебека, с присущей им наивностью называют себя «*auteure*» (*авторками), «*professeure*» (*профессорками) и «*écrivaine*» (*писательшами); ясно, что у этих слов мало шансов для ассимиляции во Франции и франкофонном мире. Так же, как и власти Французского сообщества Бельгии, отвечающие за вопросы культуры, вольны были издать указ, из которого ясно, что женщина-тренер спортивной команды отныне будет называться «*entraîneuse*» (*тренершей), а женщина-сотрудник пожарной команды должна называться «*propriète*» (*пожарная). Узус – вот хозяин языка, которому нельзя навязывать праздные фантазии.

Знак уважения

Когда женщины стали заниматься медициной, появилось слово «*doctoresse*» (*докторесса) и со временем исчезло. Сегодня женщины-медики хотят, чтобы их называли «доктор». То же самое с докторами наук в разных областях: фармакологии, права, филологии. Правда, в педагогике и лингвистике докторесс предостаточно. Нам могут возразить тем, что существуют в языке слова «*des bouchères*» (хозяйка мясной лавки), «*des boulangères*» (булочница). Это так, но потому что истоки этих слов существовали как «жена мясника» и «жена булочника».

«*Institutrice*», «*directrice*» представляют особый случай, укоренившийся с давних пор в языковом узусе, в котором нет «*provisseuses*» (*провизоршей), ни «*Madame la Provisseuse*» (госпожи провизорша). Женщина-глава дипломатической миссии зовется «*Madame l'Ambassadeur*» (Госпожа Посол), как в свое время называлась Миссис Памела Гарриман. Наименование этой высокой должности не подлежит феминизации: «*l'ambassadrice*» – это жена посла. Уместно напомнить в этой связи о Жанне Совэ, которая отказалась от феминизации названия своей должности «*Gouverneur-général*» (генерал-губернатор).

Когда госпожа Розес возглавила Кассационный суд, она потребовала, чтобы ее называли не иначе как «*Madame le Premier Président*» (Госпожа Пер-

вый председатель). Также госпожа Жандро-Масалу называется Госпожой ректором Парижской академии, канцлером университетов, Госпожа Ромийи, госпожа Карер д'Анкос являются, к счастью, госпожами академиками. Эти дамы обладают лингвистическим чутьем.

Они склонны использовать генетически обусловленные названия, а именно живые формы, мужского или женского рода, которые, надо признаться, не имеют особого логического обоснования. Но таков узус с незапамятных времен. «la souris» (мышь), «la grenouille» (лягушка), «la cigogne» (цапля) – женского рода, и «la cigogne mâle» (цапля мужского биологического пола) остается в грамматической категории женского рода. И незачем было Лафонтену сочинять басню «Monsieur le souris» (Господин мышонок)...

Во французском языке человеческий род (*genre humain*) представлен формой мужского рода (*du masculin*), он выделен на фоне видового понятия (*l'espèce homme*). Наименования таких должностей, как министр и т.п., подчиняются тому же правилу и выделяются как почетные должности на фоне остальных. Так, пусть дама с министерским портфелем остается «Madame le ministre» (госпожой министром). В этой должности эти дамы имеют право на наше огромное уважение, более того, как женщины – на наше почтительное отношение к ним».

В этой связи, следовало бы задаться вопросом о реальном месте и роли французской Академии в современном франкоязычном обществе. Кто сегодня определяет, какими должны быть стандарты французского языка? Каковы, например, нормативные грамматики и словари? [Skouratov, 2021]. С другой стороны, обладают ли академики, избираемые не из числа экспертов в области языка, а, прежде всего, из числа литераторов, писателей, журналистов, историков, знаниями о языке, превосходящими знания лингвистов Квебекского управления французского языка, которые вносили и разрабатывали предложения по феминитивам в Квебеке?

Осведомлены ли академики лучше, чем эксперты Высшего совета по французскому языку – разработчики бельгийского руководства по феминизации? Обладают ли академики более тонким лингвистическим чутьем, чем лингвисты Национального института французского языка (INALF)? И, наконец, сколько людей из числа критиков феминизации имеют в своем распоряжении Словарь Академии? Разве они не предпочли бы ему более

современное, более свежее справочное издание, отвечающее интересам современного общества?

Противники феминизации также отвергают власть государства в этой области: властям не следовало бы издавать законы, указы и циркуляры; другими словами, государству не следовало бы вмешиваться в языковые вопросы. Суть этого аргумента состоит в осуждении любой языковой политики, как, кстати, это сделала французская Академия в 1998 году в письме на имя Президента Республики, в котором подверглось критике обращение госпожи министра: «Невероятно, чтобы указы о назначении должностных лиц наделяли министров способностью по своему усмотрению изменять французскую грамматику и языковые обычаи».

Как во всех случаях глубокой озабоченности, нам (Академикам) приходится обращаться к власти общества. Когда-то Верховные суды, в которые Академия была ассоциирована, имели право потребовать исправления ошибок. Лишенные этого права, мы иногда пользуемся правом адресата. Так мы поступили в начале этого года, когда было выявлено, что члены французского правительства-женщины решили называть себя и подписывать официальные документы феминитивом – «la ministre» [Druon, 1997].

Государству не следует вмешиваться в языковую политику

Меры, принимаемые властью, касаются лишь очень небольшой части языкового узуса. Так, декрет, принятый в 1993 году франкоязычным сообществом Бельгии, распространяется только на циркуляры учреждений, находящихся под его опекой [Ульяницкая, 2022, с. 144–159]. Аналогичным образом, во Франции указы от 11 марта 1986 г. и 6 марта 1998 г. в основном адресованы органам государственного управления. То есть, в обоих случаях, речь идет о документах, исходящих от властных структур, которые рекомендуют использовать термины женского рода, в то время как феминитивы в частных документах никоим образом не затрагиваются.

Вопрос невмешательства государства в языковой процесс регулярно встает в спорах, связанных с широко разрекламированными реформами, такими как орфография или феминизация. Помимо этих очень заметных проявлений, государство фактически постоянно вмешивается в языковую ситуацию: при решении о том, что Европейский Союз отныне является официальным названием европейской наднациональной структуры; при

установлении евро как единой союзной валюты; при определении согласованного названия рыб; при маркировке продуктов с обозначением страны производителя; при определении рабочего языка (языков), используемого(ых) европарламентом и т. д.

Примером вмешательства государства в языковую политику может служить дискуссия по вопросу бельгийского образования, в частности включение переходного уровня (*athénée*) в среднюю школу, когда решается, какая степень будет указана в дипломах – степень бакалавра или магистра.

В действительности все государства проводят языковую политику. Иногда явно, волевым образом, а иногда скрытно, оставаясь безучастным, пуская процесс на самотек. Например, при составлении инструкций по эксплуатации импортной техники в одних странах действуют законодательные акты, предписывающие составление руководств по эксплуатации на языке потребителя, в других – государство не занимается этим вопросом, игнорирует предмет, считает его неважным для потребителя – это тоже языковая политика. А также государства, которые выпускают дипломы с пометкой «Бакалавр права» даже для студенток, проводят такую же языковую политику, как и те, которые в данном случае рекомендуют применение феминитива, подчеркивающего гендерную принадлежность.

Социолингвистический аспект феминитивов

Как уже говорилось, сторонники феминизации, и в первую очередь феминистские движения второго поколения, требуют использования феминитивов, считая их одним из факторов, влияющих на социальную значимость женщин, на требования гендерного равенства и т. д. Поэтому для них феминизация названий профессий – это, прежде всего, социальный и идеологический вопрос [Klinkenberg, 2006]. Противники, со своей стороны, используют лингвистическую основу, чтобы оправдать отказ от женских ярлыков. Но приходится констатировать, что под прикрытием лингвистических аргументов речь идет, по существу, об идеологии и консерватизме.

Престижные профессии

Одним из признаков того, что нежелание феминизации носит, прежде всего, идеологический характер, является тот факт, что до сих пор существуют профессии, которые считаются мужскими, а для женщин эти профессии отмечены ореолом престижности.

Так, например, *la secrétaire* (секретарша) – термин, который без проблем используется в женском роде, поскольку эту профессию в основном занимают женщины. Можно также сказать *une secrétaire qualifiée* (квалифицированная секретарша), *une secrétaire du service comptabilité* (секретарша бухгалтерии) и т. д. Форма мужского рода может даже считаться неуместной по отношению к женщине. Но когда впервые в истории женщина занимает ответственную должность, как Элен Каррер д'Анкосс, назначенная на пост бессменного секретаря Французской академии, то она пожелала называться Мадам бессменный секретарь: «Идеология стала причиной удручающего лингвистического нововведения, феминизации наименований должностей и званий» [Cartère, 2008]. Дело в том, что она не простая секретарша, подчиненная начальнику! Также, в отношении других высоких должностей используется наименование мужского рода: *le secrétaire de recherche*, *le secrétaire d'Etat* (административный секретарь, государственный секретарь), хотя, правда, это происходит все реже и реже.

Приведенный пример с феминитивом «секретарша» наглядно показывает, что нефеминизация, то есть использование традиционной формы, обусловлена не морфологическими трудностями, стремлением избежать омонимов или категориальными характеристиками слов, но социальным фактором – уровнем престижности профессий.

Часто одни и те же люди протестуют против введения новых феминизированных наименований профессий, ссылаясь на фактор омонимии, то есть выступают за сохранение только формы мужского рода, например, *le secrétaire d'Etat*, забывая при этом, что форма женского рода *la secrétaire* однозначна, тогда как форма мужского рода многозначна: секретарь, секретер, птица-секретарь.

Аналогичным образом, многие женщины в академических кругах называют себя *directeur de recherche* (научными руководителями – директорами), сохраняя традиционную форму мужского рода. По их мнению, форма женского рода наименования должности *la directrice d'école* (директрисы школы) возможна потому, что *la directrice d'école* занимает более низкую ступень социальной лестницы. В этом вопросе уместно сравнение с русским языком: если «учитель» считается нейтральным наименованием профессии, феминизированное наименование «учительница» зафиксировано в словаре, «училка» относится к

жаргонизмам, то «учителка», наравне с другими неологизмами, появившимися на гендерной волне: «поэтка», «партнерка», «редакторка» и т. п. должны пройти проверку коммуникативной практикой, чтобы войти в лексический состав русского языка [Лукьянова, 2024].

По-прежнему часто сами женщины претендуют на сохранение формы мужского рода в наименовании традиционно мужской профессии, которую им удалось освоить. Чтобы быть равными мужчинам, эти женщины, занимающие престижные должности, считают, что они должны носить тот же титул, что и мужчины, без каких-либо морфологических различий [Корж, Скуратов, 2023].

Такое отношение самих женщин к феминитивам было отмечено в свое время лингвистом Ж. Гугенэймом: «женщины, достигшие этих новых должностей... отказались носить женские титулы и сохранили мужские титулы... Чтобы объяснить эту особенность, женщины утверждали, что на официальных документах, выданных им, значатся «доктор медицины», «хранитель музея» и т. д., следовательно, есть только мужские титулы. Мы считаем, что истинная причина менее формальна: занимая должности, которые до сих пор были для них запрещены, женщины справедливо или ошибочно опасались, что специально присвоенные женщинам титулы могут в ущерб им провести различие между ними и коллегами-мужчинами [Gougenheim, 2008].

Итак, когда должность престижна, ее следует обозначать формой мужского рода. Закономерен в этой связи вопрос: потеряют ли свой престиж из-за феминизации должность и женщина, которая ее занимает?

Женщины в политике

Если и существует прямой способ наблюдать связь между феминизацией и идеологией, то для этого следует рассмотреть практику, действующую в политических партиях. Для достижения этой цели в более раннем исследовании [Dister, Moreau, 2009] было установлено, как женщины-кандидаты выдвигались на европейских выборах в Бельгии и Франции в 1989 и 2004 годах.

Авторами было обработано около 5000 наименований, которые соответствуют 257 различным терминам. Основным преимуществом этого подхода можно считать то, что он позволяет очень прямо ответить на закономерный вопрос: являются ли языковые практики политически маркированными в строгом смысле этого слова? В частности, внимание было обращено на терми-

ны, которые обозначены как «ненасыщенные», то есть на единицы, для которых были обнаружены наименования профессий и должностей, оформленные только мужским родом, либо чередованием форм мужского рода / женского рода.

В результате корпусной обработки терминов авторам удалось продемонстрировать, что политические партии придерживаются так называемого дифференцированного языкового поведения. За некоторым исключением, процент феминитивов, используемых партиями, позволяет при четырех проведенных опросах расположить их по оси, которая довольно точно соответствует политической оси левых и правых, причем левые феминизируют больше, чем правые, и тем более, чем крайне правые.

Феминизация и пресса

Использование гендерных признаков отражается не только в избирательных списках, но и в политической принадлежности. Практика использования феминитивов в прессе также свидетельствует об идеологических вариантах и предпочтениях в отношении гендерного вопроса. Французские газеты, которые после декрета 1998 года используют на своих страницах феминитивы, получили множество писем от читателей, обвиняющих их в том, что они занимают левые политические позиции. И, наоборот, сторонники традиций языковой политики поддерживают правые и центристские партии.

Так, в течение двух недель после того, как в августе 2008 года Сара Пален была назначена коллегой Маккейна, она была названа: *la gouverneure* (губернаторшей), *la gouverneuse* (женщиной-губернатором) и *la gouverneur* (губернатором, женщиной-губернатором), то есть с использованием женских ярлыков как средств феминизации. Сопоставительный лингвистический анализ соотношения традиционного наименования (то есть использования форм мужского рода) и феминитивов статусной должности «губернатора» показал: использование феминитивов в 93 % случаев журналистами газеты «Le Monde», также и журналистами газеты «Libération»; только в 23 % случаев в газете «Le Figaro», в которой, кроме того, использовано 38 % форм с детерминативами мужского рода (*le gouverneur* – губернатор) и 38 % наименований, неопределенных в лексико-грамматическом плане (*Sarah Palin, Gouverneur d'Alaska* – Сара Пален, губернатор Аляски), при этом эти наименования, не имеющие морфологических или синтаксических определений рода,

составляют всего 7 % в двух других ежедневных газетах [Klinkenberg, 2001].

Проблемы гендера широко обсуждаются на телевидении. Положительной чертой французского телевидения можно считать специальные передачи о новых книгах на основных ТВ каналах. На передачи, как правило, приглашаются авторы и обсуждаются не только художественная литература, но и публицистика и даже научные издания. Эти передачи не живут долго, но им на смену приходят новые. Самая известная среди них, на сегодня уже закрытая, называлась в свое время «Культурный бульон». Ведущий этой программы Бернар Пиво, один из культовых французских тележурналистов, известен и в нашей стране [Кронгауз, 2007]. Кроме всего прочего, Б. Пиво – один из организаторов французских диктантов популярного конкурса, финал которого проводился на телевидении. Диктанты по своему содержанию настолько сложны, что даже победители делают какое-то количество ошибок. Заметим, кстати, что самая образованная королева Франции предреволюционного периода Мария-Антуанетта, проводила подобные диктанты в кругу своих придворных. Известно, что диктанты, написанные королевой, демонстрировали удивительную степень грамотности по сравнению с другими участниками и содержали всего лишь не более 70 ошибок.

Несмотря на трудности французской орфографии и грамматики, французы трепетно относятся к своему языку. В изданной Б. Пиво книге в 2004 году «100 mots à sauver» (100 слов для спасения) автор пишет о том, что люди справедливо заняты спасением птиц, насекомых, растений и других живых созданий, находящихся под угрозой исчезновения. Но никому нет дела до исчезающих слов, хотя, казалось бы, слова родного языка должны быть нам ближе, чем никогда не виданное растение или экзотическое животное. Впрочем, существует лингвистическая экология, правда лингвисты заняты спасением более крупных объектов, чем слова – под угрозой исчезновения находятся целые языки. Известно, что ежегодно в мире исчезает около 25 языков!

Автор книги как профессиональный журналист решает лингвистическую задачу, выявления причины исчезновения из французского языка слова и его судьбы. Решение задачи оказывается возможным благодаря национальной языковой политике, поощряющей налаженную и безостановочную работу лексикографов по составлению французских словарей. Всемирно известные сло-

вари Larousse и Robert издают ежегодно, каждый из них, многотомный словарь, и соответственно, одностомные словари Petit Larousse и Petit Robert. Объем словаря более или менее фиксирован, поэтому они включают новые слова, появившиеся за год, и исключают устаревшие.

Например, исчезнувшее слово мужского рода *le béjaune* происходит от слова *bec* (клюв) и *jaune* (желтый), по смыслу и по структуре соответствует русскому «желторотый» (за исключением принадлежности к части речи и порядка следования компонентов). Интересно, что во французском языке существует слово *le blanc-bec* («белоклювик»), которое отличается от первого по значению, поскольку совмещает значение неопытности с коннотацией самоуверенности и высокомерия. Как жаргонное, слово распространено в армии, где, как известно, «молокососов» не слишком жалуют.

Еще один яркий пример переосмысления междометия *saperlipopette*, которое когда-то выражало богохульство, а сейчас стало поводом для каламбуров. Вот как выразился один из гостей передачи «Культурный бульон», правда, изменив синтаксическую структуру «*ça me perd les popettes*» – звучит очень похоже, но смысл такой же расплывчатый, как и в первоначальном междометии.

Другие примеры: форма мужского рода слова *brunet* (брюнет) зафиксирована как устаревшая, в то время как форма женского рода *brunette* (брюнетка) вполне жива и осталась в словаре. Русский язык бережно и корректно отнесся к заимствованиям из французского языка и сохранил обе формы, мужского и женского рода. Можно пожалеть об уходе из употребления существительного мужского рода *suivez-moi-jeune homme* (буквально: следуйте за мной, молодой человек). Так назывались когда-то модные ленты на женских шляпках, раскатывающиеся сзади и как бы приглашающие следовать за молодой особой. Устарело также существительное женского рода *nasarde*, обозначающее щелчок по носу как в прямом, так и в переносном смысле.

Приведенные выше примеры демонстрируют лексикографические процессы, результатом которых является постоянство лексического состава языка. Оно достигается за счет двух противоположных тенденций. Исчезновение слов, не только терминологического, но и коммуникативного характера, с одной стороны, в одном направлении, а с другой – появление новых слов, отчасти соотносимых с новыми технологиями производства, но большей частью зависящие от узуса.

Сторонники использования феминитивных форм приводят, в основном, аргументы социального характера, касающиеся места женщины в обществе. Этот вопрос, актуальный в настоящее время, тесным образом связан с проблемой политической корректности. Общеизвестным примером может послужить наименование полицейского в английском языке: традиционное *police man*, феминизированное *police woman* и политкорректное *police person*.

В дореволюционной России поликорректность касалась только лишь лиц благородного сословия: барин / барыня, господин / госпожа служили формами обращения к представителям знати. В середине и, особенно, в конце XIX века появилось сословие разночинцев – представителей интеллигенции, специалистов с университетским образованием, подтвердивших свою профессиональную компетенцию безупречной службой на благо отечества. Обращение к лицам этого сословия требовало уважения, и в русской языковой практике появилось выражение «Ваше благородие». Закономерен вопрос об обращении к супруге чиновника подобного ранга. Казалось бы, следовало ввести феминитивную форму для лиц женского пола. Но указанное выше обращение было применимо к лицам обоего пола, подтверждением тому служат слова известной песни из кинофильма «Белое солнце пустыни»: Ваше благородие, госпожа Удача...

20-е годы прошлого столетия отмечены лингвистической революцией в русском языке в связи с отменой противопоставления между мужчиной и женщиной как членами новой социалистической формации. По примеру французских революционеров, которые ввели обращение «гражданин / гражданка» (*citoyen / citoyenne*), в послереволюционной России это обращение становится нормой. Другим стандартизируемым обращением явилось слово мужского рода «товарищ», хотя русский язык располагает формой женского рода «товарка» как родовой аналог «товарищ». Только в результате языкового опыта, «узуса» в русском языке осталась форма мужского рода, а форма женского рода приобрела отрицательную коннотацию. «Товарищ» как приветствие единомышленников стало шаблонным обращением на всех уровнях социального общения.

В настоящее время русский язык не располагает единой коммуникативной формой: предлагались изначально формы с разделением мужского и женского рода «сударь / сударыня», «господин / госпожа», отдельные формы по возрастному

принципу «барышня», кальки с французского и английского языков «сэр / леди», «юный джентльмен / юная леди». Ни одно из вышеуказанных обращений не прошло испытание временем и «узусом», не было принято носителями русского языка. Бытующее в наши дни обращение основано на разделении мужского и женского начала – «мужчина / женщина», свидетельствует о назревшей проблеме гендера в русском языке, решение которой предстоит будущему поколению русофонов.

На уровне современной цивилизации проблема гендера находит сторонников и противников феминизации языковых форм. Инициаторы радикальных мер прибегают к феминизации как лингвистическому аргументу для того, чтобы сказать, что в языке, в котором систематически отражаются сочетания мужское – мужское, женское – женское, ненормально (за пределами нормы) использовать мужской род для обозначения женщин. Помимо этого принципа, они не оправдывают свой выбор причинами, связанными с организацией языка. У противников феминизации – все наоборот. Они не касаются вопросов социологии.

Только узус покажет, какие феминитивные формы будут приняты, а какие отвергнуты

Еще один аргумент, выдвинутый критиками феминизации, касается понятия узуса, то есть правильного использования – часто «узус» пишется с большой буквы, как в «*Воп usage*» – «хорошем использовании»: «Мы должны позволить языковому узусу сделать это». Законы о всеобщем школьном образовании в начале двадцатого века также вызвали подобную реакцию: «Давайте оставим это на усмотрение родителей».

Помимо масштаба и серьезности поставленных задач, эти две ситуации имеют еще одно важное различие: независимо от того, принимаются ли решения в форме законов, декретов или циркуляров, законодательные тексты, касающиеся феминизации, не содержат никаких обязательств.

Если мы этого не соблюдаем, на нас не налагают никаких санкций. Другими словами, это всего лишь рекомендации: в этих условиях властные структуры, отвечающие за языковую политику, указывают, каков их выбор, к каким практикам относятся их предпочтения, при этом каждый остается свободным в своем собственном использовании. То, что такая позиция властных структур впоследствии повлияет на личностную практику, вполне возможно. Но изменения произойдут только в том случае, если решение, принятое вла-

стью, соответствует тому, чего хотят люди, явно или неявно, сознательно или бессознательно.

В данном случае сторонники феминизации наименований женских статусных профессий быстро добились несомненного успеха, и это явно указывает на то, что власти не ошиблись. Более того, на практике использование феминитивов иногда приобретало более радикальную форму, чем рекомендации. Так, в первом издании 1994 года в бельгийском «Руководстве по феминизации» упоминается в примечании возможность использования феминитивных форм на *-eure*, например, *une ingénieure* (женщина-инженер), отдавая при этом предпочтение формам мужского рода с детерминативами женского рода, например, *une ingénieur industrielle* (женщина-промышленный инженер). В 2005 году при подготовке второго издания авторы Руководства отметили успех, которым пользуются феминитивы в обществе, особенно в прессе, и включили формы на *-eure* в свой Список рекомендуемых феминитивных форм [Liste des signataires, 2019].

С другой стороны, придерживаются ли сторонники феминизации мнения, что необходимо подвергнуть «аутодафе» все грамматики, все словари? Нет, они согласны допустить, что эти книги иногда представляют некоторый интерес, часто отвечают соответствующим образом на их вопросы в области лингвистики. Сторонники нововведений также должны признать, что руководства по феминитивам позволяют пользователям, предпочитающим феминизировать, делать это в строгих, последовательных рамках, консультируясь со Списком цитирования в отношении форм женского рода, зафиксированных в повседневном употреблении, но еще не отраженных в справочных материалах.

Заключение

Рассмотрев аргументы сторонников и противников феминизации в рамках гендерной проблемы, можно сделать следующее заключение. Языковая политика Франции как центра франкофонии осуществляется по следующим направлениям: вопрос обсуждается в академических кругах под эгидой Французской академии; властными структурами на уровне министерств общего среднего и высшего образования; в средствах массовой информации (СМИ), на страницах печатных изданий и в электронной прессе.

В результате активных действий академических кругов, правительственных учреждений и журналистики продолжают попытки внедрения

феминитивов в сферу профессиональной коммуникации. Позиции противников феминизации по-прежнему остаются прочными.

Напрашивается закономерный вывод об оформлении существительных исследуемого класса мужским / женским родом: только узус может разрешить спор, как это было зафиксировано на протяжении всей истории французского языка.

Библиографический список

1. Катагощина Н. А., Васильева Н. М. Курс истории французского языка : учеб. для институтов и фак. иностр. яз. Москва : «Диана», 1997. 422 с.
2. Катагощина Н. А. Как образуются слова во французском языке. Москва : КомКнига, 2012. 112 с.
3. Корж В. И. Скуратов И. В. К проблеме суффиксального образования феминитивов в современном французском языке // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 1. С. 166–173.
4. Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. Москва : Языки славянских культур, 2007. С. 96–203.
5. Епифанцева Н. Г., Лиходкина И. А. Сравнительно-сопоставительный анализ категорий рода и числа во французском и итальянском языках в аспекте их влияния на адекватность перевода. Москва : Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия Гуманитарные науки. № 4. 2021. С. 166.
6. Лукьянова А. Авторка задела за живое // КП, 24.01.2024. С. 15. Москва. URL: <http://www.kp.ru> (дата обращения: 30.05.2020).
7. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 30.05.2020).
8. Ульяницкая Л. А. Языковые контакты в бельгийском медиапространстве. // Дискурс. 2022. № 5. Т. 8. С. 144–159.
9. Фокина К. «Мы живем не в стране, а в языке» Как Франция поддерживает влияние в мире с помощью языковых связей // Культура. № 2. 2021. С. 17.
10. Carrère d'Encausse, H. Discours prononcé lors de séance publique annuelle du jeudi 5 décembre 2002. URL: http://www.academie-francaise.fr/immortels/discours_spa/carrere2002.html (consulté le 12 octobre 2008).
11. Déclaration de l'Académie française. URL: <http://www.academie-francaise.fr/langue/questions.html#feminisation> (consulté le 29 septembre 2008).
12. Dister A., Moreau M.-L. Féminiser? Vraiment pas sorcier! La féminisation des noms de métiers, fonctions, grades et titres. Bruxelles, Editions Duculot, 2009, 207 p.
13. Druon M. Madame le Ministre, Monsieur la souris (Maurice Druon, secrétaire perpétuel de l'Académie française) // Le Figaro, 15 juillet 1997.
14. Gougenheim G. Les mots français dans l'histoire et dans la vie. P., Presse de la cité, 2008. 418 p.

15. Klinkenberg J-M. La langue et le citoyen, Pour une autre politique de la langue française. Paris : Presses universitaires de France, 2001. 238 p.

16. Klinkenberg J-M. «Le linguiste entre science et idéologie, Le discours épilinguistique sur la féminisation comme trace d'un savoir dégradé». Bulletin suisse de linguistique appliquée. 2006 Vol. 83 (2). P. 11–32.

17. Liste des signataires de la Convention d'engagement pour une communication publique sans stéréotype de sexe. 2019. URL :<http://www.haut-conseil-egalite.gouv.fr/stereotypes-et-roles-sociaux/actualites/article/liste-des-signataires-de-la-convention-d-engagement-pour-une-communication> (дата обращения: 30.05.2020).

18. Skouratov I. V. Caractéristiques typologiques des néologismes en français contemporain = Типологическая характеристика неологизмов в современном французском языке: монография: на франц.яз. 2 изд., доп. Москва : МГОУ, 2021. 154 с.

Reference list

1. Katagoshhina N. A., Vasil'eva N. M. Kurs istorii francuzskogo jazyka = A course of the French language history : ucheb. dlja institutov i fak. inostr. jaz. Moskva : «Diana», 1997. 422 s.

2. Katagoshhina N. A. Kak obrazujutsja slova vo francuzskom jazyke = How are the words formed in the French language? Moskva : KomKniga, 2012. 112 s.

3. Korzh V. I. Skuratov I. V. K probleme sufiksalnogo obrazovanija feminitivov v sovremennom francuzskom jazyke = Towards the problem of femininitives suffixal formation in the French language // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2023. № 1. S. 166–173.

4. Krongauz M. Russkij jazyk na grani nervnogo sryva = The Russian language on the verge of nervous breakdown. Moskva : Jazyki slavjanskih kul'tur, 2007. S. 96–203.

5. Epifanceva N. G., Lihodkina I. A. Sravnitel'no-sopostavitel'nyj analiz kategorij roda i chisla vo francuzskom i ital'janskom jazykah v aspekte ih vlijanija na adekvatnost' perevoda = Comparative analysis of gender and number categories in French and Italian in terms of their influence on translation adequacy. Moskva : Sovremennaja nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Serija Gumanitarnye nauki. № 4. 2021. S. 166.

6. Luk'janova A. Avtorka zadela za zhivoe = The authoress hit a nerve // KP, 24.01.2024. S. 15. Moskva. URL: <http://www.kp.ru> (data obrashhenija: 30.05.2020).

7. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka = The National Corpus of the Russian Language URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/search-main.html> (data obrashhenija: 30.05.2020).

8. Ul'janickaja L. A. Jazykovye kontakty v bel'gijskom mediaprostranstve = Language contacts in Belgian media space // Diskurs. 2022. № 5. T. 8. S. 144–159.

9. Fokina K. «My zhivem ne v strane, a v jazyke» Kak Francija podderzhivaet vlijanie v mire s pomoshh'ju jazykovyh svjazej = «We don't live in the country, we live in the language» How France supports its influence in the world through language contacts // Kul'tura. № 2. 2021. S. 17.

10. Carrère d'Encausse, H. Discours prononcé lors de séance publique annuelle du jeudi 5 décembre 2002. URL: http://www.academie-francaise.fr/immortels/discours_spa/carrere2002.html (consulté le 12 octobre 2008).

11. Déclaration de l'Académie française. URL: <http://www.academie-francaise.fr/langue/questions.html#feminisation> (consulté le 29 septembre 2008).

12. Dister A., Moreau M.-L. Féminiser? Vraiment pas sorcier! La féminisation des noms de métiers, fonctions, grades et titres. Bruxelles, Editions Duculot, 2009, 207 p.

13. Druon M. Madame le Ministre, Monsieur la souris (Maurice Druon, secrétaire perpétuel de l'Académie française) // Le Figaro, 15 juillet 1997.

14. Gougenheim G. Les mots français dans l'histoire et dans la vie. P., Presse de la cité, 2008. 418 p.

15. Klinkenberg J-M. La langue et le citoyen, Pour une autre politique de la langue française. Paris : Presses universitaires de France, 2001. 238 p.

16. Klinkenberg J-M. «Le linguiste entre science et idéologie, Le discours épilinguistique sur la féminisation comme trace d'un savoir dégradé». Bulletin suisse de linguistique appliquée. 2006 Vol. 83 (2). R. 11–32.

17. Liste des signataires de la Convention d'engagement pour une communication publique sans stéréotype de sexe. 2019. URL :<http://www.haut-conseil-egalite.gouv.fr/stereotypes-et-roles-sociaux/actualites/article/liste-des-signataires-de-la-convention-d-engagement-pour-une-communication> (data obrashhenija: 30.05.2020).

18. Skouratov I. V. Caractéristiques typologiques des néologismes en français contemporain = Tipologicheskaja harakteristika neologizmov v sovremennom francuzskom jazyke: monografija: na franc.jaz. 2 izd., dop. Moskva : MGOU, 2021. 154 s.

Статья поступила в редакцию 18.12.2024; одобрена после рецензирования 15.01.2025; принята к публикации 06.02.2025.

The article was submitted on 18.12.2024; approved after reviewing 15.01.2025; accepted for publication on 06.02.2025